

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д46

Bob Dylan

TARANTULA

Copyright © 1966, Bob Dylan
Copyright renewed © 1994, Bob Dylan.
All rights reserved

Фотография на обложке: © David Gahr / Gettyimages.ru
Фотография на форзаце: © Bettmann / Gettyimages.ru

Перевод с английского *М. Немцова*

Разработка серии: *К. А. Терина, А. Сауков*

Дизайн переплета *А. Саукова*

Дилан, Боб.

Д46 Тарантул / Боб Дилан ; [пер. с англ. М. Немцова]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Лучшее из
лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-94511-5

О чем же поведает Боб Дилан в «Тарантуле»? С точностью ответить на этот вопрос не сможет даже внимательный читатель. Можно ли четко описать хаос, поток сознания, образы, рожденные в разгоряченной голове? А чувства — можно ли проделать подобное с ними? Глубокая трагичность восприятия и изощренная игра мысли по-настоящему привлекают в «Тарантуле» и в то же самое время не дают понять его до конца. Но критики и поклонники Дилана едины в одном — каждый найдет в этом страшном и одновременно смешном романе нечто свое.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-94511-5

© Немцов М., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

РАЗГОВОРЫ О ЦИММЕРМАНЕ

*Предисловие переводчика к «нобелевскому изданию»,
написанное немного заранее*

«Аттила и Его Гунны» старались причинить сильный телесный ущерб «Сенату и Народу Рима»...

Обе группы сидели на спадах и теперь завели весьма интеллектуальную дискуссию касаясь смысла некоего текста песни Дилана...

— Роберт Энтон Уилсон,
Роберт Ши. Иллюминатус! (1975)

Времена поменялись. Телесного ущерба из-за своеобразно понятых строчек больше никто никому не причиняет. Слова в наш век всеобщей грамотности вообще перестали иметь значение. Да и значения, собственно, они тоже перестали иметь. «Все поломалось». Но странная штука: закрылся гештальт — Боб Дилан приехал в Россию, — и вот опять... утром, лежа на диване, говорим о Циммермане.

Да еще как говорим. Стенающие страдальцы: «...сет-лист выглядел так, будто маэстро вообще не в курсе, где он выступает и перед кем. Или ему искренне и глубоко наплевать...», — видимо, уже никогда не поймут собственной нелепости. Стра-

на, до сих пор рождающая столь «быстрых разумом Невтонов», можно сказать, безнадежна: даже программа «Ворд» предлагает мне заменить фамилию «Дилан» на предсказуемый «диван» или какого-то неочевидного «Билана» (я еще понимаю — мебель, но откуда куску железа знать про «Евровидение»?). Знал бы Дилан, что приехал к тем, кто считает себя вправе чего-то от него требовать, мы бы ждали его приезда до подъема мацы... Но, к счастью для нас, — и в этом парадокс — Дилан знает, что все мы ничем не лучше критика российской премьер-газеты. Дилан все это видел не раз. А мы его таки дождались. Думали — не доживем. Многие и не дожили.

Чего там действительно разговаривать? Питерское радио не так уж далеко от истины. У нас просто не хватит жизненного опыта говорить о Бобе Дилане. Потому что говорить о нем — это рассказывать о себе. В отличие от других культовых фигур, таких разговоров, в общем, не очень заслуживающих — сколько фигур этих было и еще будет? — Дилана можно лишь пропускать через себя, через свою биографию. Говорить только о себе на фоне Дилана. Интересно может получиться. Родился, например, когда он записал уже вторую пластинку — «The Freewheelin' Bob Dylan». В школу пошел — это «Self Portrait». Поступил в университет и расстался с комсомолом в год Московской олимпиады, а у него вышел «Saved». Начал более-менее самостоятельную жизнь — это уже «Empire Burlesque». Офигеть, да? Мы тут жили, а он там — был. Был и есть всегда — так уж нам повезло, если вдуматься. Жить параллельно Дилану. От это-

го осознания временами становилось как-то легче. Все менялось, а он оставался. Был, есть и никуда не денется. Каково при этом постоянстве было ему самому — см. «Хроники, том I». Нам же только сейчас приходит в голову оглянуться — бли-ин, а ведь не так много времени прошло. Ну плюс-минус полвека, подумаешь... Кто разбирается в таких знаках, тот поймет.

Что он вообще сделал, этот ваш Шабтай Цизель Бен Аврахам, потомок литовско-одесско-турецких евреев с берегов озера Верхнее? Поменял метафору рока, парадигму поэзии и творчества вообще, заставил иначе воспринимать звучащее слово? Вообще любое слово? Раскрасил мир иными красками? Создал Вселенную? Всего-то?

Ты меня на борт возьми в волхвов круговорот
С меня все страсти рвет, курок под пальцем врет
А оттиск стоп истерт, лишь башмаки мои
Подвластны странствиям
Но я готов идти, исчезнуть тоже я готов
Средь пирровых пиров, зачаруй меня — и словно
Кану в этом танце я

Хоть услышишь: смех кружит безумным солнцем
у виска

Его цель невелика, ведь он ударился в бега
Ну а кроме неба — никаких заборов
А если смутный гомон рифм почувешь за собой
То под тамбурина бой клоун драный и худой —
Не морочься ерундой — он догонит эту тень
Еще не скоро

Это сейчас критик Андрей Бурлака может говорить, что «весь русский рок вырос практически из восхищения перед Бобом Диланом». А ведь страшно себе представить, что было в головах соотечественников, когда он только запел...

Что такое «гутнэнни»? — так былинно начинается энциклопедическое послесловие к сборнику «Гитары в бою: песни американских народных певцов» в переводе С. Болотина и Т. Сикорской под редакцией М. Зенкевича, издательство «Прогресс», 1968 год (к этому времени, как мы помним, уже вышла половина классических альбомов Дилана, а советские танки ездили где ни попадя), тираж не указан, ц. 52 коп., — этого слова еще нет в словарях, но в Америке сегодня оно уже получило широкую известность... Боб Дилан — один из самых талантливых народных певцов, создавший много боевых песен протеста. Лучшие из них — «На крыльях ветра» и «Хэтти Кэрролл».

Года летят, у Дилана выходит «Desire», а у нас идет концерт... Еще один прекрасный артефакт ушедшей эпохи — сборник издательства «Молодая гвардия» из серии «Тебе в дорогу, романтик». Называется «Голоса Америки: из народного творчества США (баллады, легенды, сказки, притчи, песни, стихи)». Составители Л. Переверзев, Ю. Хазанов, научная редакция Т. Голенпольского. 1976 год, тираж 150 000, ц. 88 коп. Там в предисловии некто Сергей Лосев рассказывает невыездным (по малолетству, не иначе) будущим русским рокерам, как

...за годы пребывания в США мне не раз случилось быть очевидцем необычайного воздействия песен протеста на американскую молодежь... когда перед полумиллионным людским наводнением вместе с Мартином Лютером Кингом и доктором Споком выступали Пит Сигер и другие народные певцы, неся в народ всеуничтожающий заряд ненависти к несправедливости и попыткам подавить там народно-освободительное движение.

Дальше тоже много чудес, но нас, понятно, интересует Дилан. Бедную «Хэтти Кэрролл» в это издание не взяли (видимо, недостаточно укрепляла дружбу народов, которая постулировалась в издательской аннотации), но «На крыльях ветра» присутствует, куда ж без них лететь. Она дополнена текстом «Времена-то меняются» (это та, где бессмысленное и беспощадное «Люди, сходитесь, куда б ни брели», — многие помнят) в примерном изложении А. Буравского:

Мы сделали выбор,
 Никто не тужит.
 А тот, кто плетется,
 Потом побежит.
 И в прошлое канет
 Теперешний год.
 Весь строй расплзается!
 Кто первый сегодня, последним пойдет.
 Времена-то меняются!

Самое умопомрачительное, конечно, — музыковедческий анализ безымянного автора: видать, очень пригодилась научная редакция видного спецпро-

пагандиста Танкреда Голенпольского и джазовый энциклопедизм критика Переверзева. Смиритесь с длинной цитатой — у нас эпоха на фоне портрета или как?

Подъем борьбы за гражданские права, активные выступления молодежи и движение американских женщин за подлинное равенство с мужчинами требовали новых форм эмоционального выражения в искусстве. Эти формы были различны. В музыке такая форма была найдена готовой — ею оказался ритм-энд-блюз. Этот вокально-инструментальный жанр городской негритянской музыки представлял собой эволюцию традиционного блюза, который исполнялся теперь в сопровождении небольшого ансамбля, где главными инструментами были электрогитара и саксофон. К середине 50-х годов ритм-энд-блюз начали исполнять многие белые певцы и ансамбли. Тогда же белый вариант ритм-энд-блюза стали именовать «биг-бит» (буквально «большой удар») или «рок-н-ролл». Первые триумфы рок-музыки отличались исключительно бурным, даже скандальным характером. С художественной точки зрения ранний рок-н-ролл был крайне примитивен. Его ошеломляющий успех объяснялся не столько эстетическими, сколько социально-психологическими причинами. Соучастие в своеобразном музыкальном ритуале явилось разрядкой того невыносимого напряжения, которое скопилось в миллионах мальчишек и девчонок, выраставших в тени атомной бомбы, «холодной войны» и всеобщей подозрительности...

Ну и так далее. Плавно переходим к объекту наших изысканий. Жизнь Дилана теперь предстает куда более красочной и увлекательной, чем в 68-м. Представьте, что в альтернативной реальности они так и живут. И Боб Дилан стал нам вместо Дина Рида.

Слова, однако, играли важную роль в песнях Боба Дилана. В детстве Боб (его настоящее имя и фамилия Роберт Циммерман) жил со своими родителями, среднеобеспеченными людьми без особых запросов, в захолустном шахтерском городке Хиббинг, штат Миннесота. Больше всего он любил поэзию; случайная встреча со старым негром, уличным певцом, дала ему первые уроки игры на гитаре и во многом предопределила его будущую судьбу. С этого момента он стал не только декламировать, но и распевать свои стихи, написанные в подражание валлийскому поэту Дилану Томасу, чье имя он впоследствии избрал своим артистическим псевдонимом. [Заметим в скобках, что этот живучий миф — о происхождении «Дилана» — потом развенчивался неоднократно и будет развенчан еще; как и, например, легенда о том, что на Ньюпортском фолк-фестивале в 1965 г. Дилана освистали за то, что переключился на электричество.] Имя Боба Дилана в 60-е годы было неотделимо от студенческих митингов и дискуссий о социальных реформах, от маршей свободы в защиту прав меньшинств, от массовых демонстраций с требованием мира в Юго-Восточной Азии. В 1963 году всеобщую известность получает песня Дилана «На крыльях ветра»,

призывающая не закрывать глаза на то, что творится вокруг. Не ограничиваясь обращением к одному только чувству сострадания, он прямо указывал на источник бедствия миллионов в песне «Мастера войны», а в песне «Времена-то меняются» Боб Дилан бросал открытый вызов благополучной Америке. Вместе с тем, в долгоиграющей пластинке «Другая сторона Боба Дилана» он предстает тонким мастером психологического анализа, исследующим сокровенные тайники души. В середине 60-х годов своими выступлениями в составе инструментального ансамбля он закладывает новое направление в американской молодежной музыке — так называемый фолк-рок. Это направление было продолжено в Англии группой «Битлз». На первых порах она ориентировалась преимущественно на негритянских народных исполнителей стиля ритм-энд-блюз...

Вот так вот мы росли на нем — росли и выросли на задворках своей «империи бурлеска». Слушали-то его не то чтобы запоем — так, припадали временами, отпивали по глотку. Он не был здесь культурообразующей величиной, как в остальном мире середины прошлого века, — и мешал не только языковой барьер. Скорее метафорический — ну и общекультурный. Если дилановеды уже полвека не могут расшифровать некоторые песни из тех, что познаменитее, да и доныне спорят, какие строчки Дилан слямзил у Хенри Тимрода или Овидия, что говорить о тогдашних школьниках, которые владели английским «в рамках программы» и слыхом не

слыхали об Элиоте. Нельзя сказать, что на Дилана медитировали так же, как на музыку группы «Pink Floyd». Голос противный, хором не очень споешь, и девчонкам не нравится. Он даже не был простым и доступным жизнерадостным дебилом из Ливерпуля. Дилан был умный — иногда чересчур. Наверное, первый человек с гитарой, который не стеснялся этот свой ум показывать. И потом его место в самом деле так тщился занять один ленинградский прикладной математик — только этот заимствовал как-то неумело и неизящно. Да и «дважды нельзя в ту же самую реку — можно тысячу раз мордой об лед». Прав музыкальный критик Бурлака — на том и стоим, голубые воришки.

А в ларьках и на вокзалах
Людям разговоров мало —
Малюют стены мелом
Твердят, что на устах у всех
О будущем лепечут
Любовь моя неслышно шепчет:
Любой провал успеха крепче
А провал — так он и вовсе не успех

Что изменилось, спрашивается? Помните, что сказал его альтер-эго Джек Фейт в фильме Лэрри Чарлза «Masked and Anonymous»: «Все раздал сукиным сынам, которые даже принять ничего не смогли». Дилан — он же, согласно замаскированной и анонимной концепции фильма, «Сергей Петров» — не зря же сочинил этот фильм, где трагедия настолько растворена в самоиронии, что прокатчики зовут его «комедией». Переизобретая себя в десятитысяч-

ный раз, Боб Дилан не может не понимать, что натворил. Он ведь для миллионов уже не просто человек — он как сила природы. Стихия. Общественный институт в одном лице. О нем опубликованы сотни томов описательной аналитики, и наука диланология перестала восприниматься в ироническом ключе — теперь это достаточно академическая область прикладной культурологии и литературоведения. Еще во времена «Infidels» я выписывал в университетскую библиотеку по МБА — это «межбиблиотечный абонемент», мои маленькие деловые читатели, а не «магистратура бизнес-администрирования» — редкие книжки, оказавшиеся в России, и конспектировал их истово в читальном зале, толковал, как записной талмудист... И где они теперь, эти конспекты?

Магнетизм Дилана, наверное, пёр из самого факта его существования. Дилана же можно и не слушать — отрадно помнить, что он просто *где-то есть*. Ведь того, кто создал Вселенную, думаете, просто нельзя по имени называть — и только? Да нет, это всего-навсего стилистически избыточно, правило хорошего тона, закрепленное веками. К чему трепать имя, если каждый и так его знает. И вся история Роберта Аллена Циммермана — пожалуй, вполне ветхозаветная история вечного преодоления порогов: старался доказать что-то себе и миру, задирает планку, шагал дальше и выше, пробовал все смелее, старался выжить и сохранить себя, заново отращивал крылья и панцирь... Очень еврейская, если вдуматься. Очень человеческая. Подчеркнуто межконфессиональный, сам себе религия, Дилан и в новом тысячелетии в очередной раз переступил черту, ушел за грань нового мифа — а мы до сих пор жалуемся и плачем, что

история больше не творится у нас на глазах. Вот же она — история. Бобу Дилану всего 75. И он получил Нобелевскую премию по литературе. Хотя, как сказал в том же фильме невезучий культуртрегер Дядюшка Дорогуша: «Он может ничего уже и не делать. Он легенда. Иисус, чтобы до всех дошло, тоже дважды по водам не ходил».

Это давний уважаемый спорт политических и религиозных движений — притягивать к себе Дилана, связывать его с христианством, сионизмом, «Лигой защиты евреев» или «Хабад Любавич». А вы прислушайтесь опять к Джеку Фейту:

Я всегда был певцом — может, и только. Иногда недостаточно понимать, что слова означают, иногда мы должны еще знать, чего они не значат. Вроде как: что значит не знать, на что способен человек, которого любишь. Все распадается — особенно весь этот опрятный порядок правил и законов. Наш взгляд на мир — он и есть то, что мы есть. Посмотрите на этот мир из красивого садика — и все покажется веселеньким. А заберитесь повыше — и вам откроются грабеж и убийство. Истина и красота — в глазу смотрящего. Я давно уже бросил пытаться все вычислить.

Он просто творит свою непостижимую вселенную, как делал это много лет. Мы можем сходить туда в гости, даже вписаться в нее — или не вписаться, как, по большей части, и происходит. В «Masked and Anonymous» Пенелопа Крус все объяснила Папе Римскому и Махатме Ганди: «Обожаю его песни, потому что они не точные. Они совершенно открыты